

СЕКС

БЕЗ

18+

ЛЮДЕЙ

ДЖЕННИ КЛИМАН

,

МЯСО

БЕЗ

ЖИВОТНЫХ

КТО ПРОЕКТИРУЕТ МИР БУДУЩЕГО

Дженни Климан

**Секс без людей, мясо
без животных. Кто
проектирует мир будущего**

«Individuum»

2020

УДК 008
ББК 87.526.4

Климан Д.

Секс без людей, мясо без животных. Кто проектирует мир
будущего / Д. Климан — «Individuum», 2020

ISBN 978-5-6044581-8-1

Секс и еда, рождение и смерть – четыре составляющих нашей жизни, которые могут измениться до неузнаваемости в ближайшие годы. Заменят ли секс-роботы человеческие отношения? Чем нам грозит массовое производство искусственного мяса? Смогут ли мужчины вынашивать детей? Как стать свидетелем собственных похорон? Английская журналистка Дженни Климан изучила этот дивный новый мир инноваций и провела десятки интервью с его главными действующими лицами – учеными, художниками, врачами и программистами. Сомнений нет, будущее вот-вот наступит. Вопрос только в том, готовы ли мы к нему.

УДК 008
ББК 87.526.4

ISBN 978-5-6044581-8-1

© Климан Д., 2020
© Individuum, 2020

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дженни Климан

Секс без людей, мясо без животных.

Кто проектирует мир будущего

© Jenny Kleeman, 2020.

First published 2020 by Picador, an imprint of Pan Macmillan, a division of Macmillan Publishers International Limited.

© Сергей Карпов, перевод, 2020.

© ООО «Индивидуум Принт», 2020

Конечно, для Бенджамина и Изабеллы

Мы собираемся войти на очень конкурентный рынок со множеством игроков. Мы считаем, что у нас будет самый лучший продукт в мире. И мы рискнем и попробуем занять 1 % рынка.

Стив Джобс на презентации первого айфона, 9 января 2007 года

Стремиться изменить мир, не осознав самого себя, все равно что пытаться покрыть его кожей, чтобы не пораниться о камни или шипы. Гораздо проще надеть обувь.

Рамана Махариши

Предисловие

То, что вы сейчас прочтете, – не научная фантастика.

Мы стоим на пороге эпохи, когда технологии преобразят рождение, еду, секс и смерть – фундаментальные элементы нашего бытия. До сих пор человеческая жизнь всегда подразумевала появление из материнской утробы, питание мясом убитых животных и секс с другими людьми, пока все не закончится неизбежной и неподконтрольной нам смертью.

За последние пять лет я погрузилась в мир четырех изобретений, которые обещают обеспечить нас идеальными сексуальными партнерами, идеальной беременностью, идеальным мясом и идеальной смертью. Сами они пока далеки от совершенства: их все еще разрабатывают в лабораториях, гаражах и студиях, в больницах, мастерских и на складах. Некоторые из них окажутся на прилавках магазинов в ближайшие несколько лет, другим потребуются еще десятилетия, чтобы выйти на рынок, – но все они станут неотъемлемой частью человеческой жизни.

Сколько всего мы собираемся доверить технологиям? И как они нас изменят? Чтобы ответить на эти вопросы, мы посетим четыре континента и самые темные уголки интернета. Я проведу вас по кухням, где готовят баснословно дорогие куриные наггетсы, по закрытым собраниям, где люди учатся кончать с собой, по лабораториям, где зародыши растут в пакетах, и форумам, где мужчины планируют полномасштабную войну против женщин. Мы встретимся с учеными, человекоподобными созданиями, дизайнерами, этиками, предпринимателями и провокаторами, со специалистом по оплодотворению, готовым практически на все, чтобы угодить пациентам, мужчиной, женившимся на секс-кукле, декоратором тортов, который помог умереть лучшему другу, матерью, которая хочет стерилизовать наркоманов, и художником, который использует живую плоть в качестве материала для своих работ.

Мужчины, стоящие за этими технологиями (а почти все, с кем я встречусь, – мужчины), иногда работают за идею, иногда – из-за страсти, часто – ради денег, но всегда – в надежде обрести признание и славу. Все они уверены, что технологии позволят нам жить той жизнью, о которой мы мечтаем, что они решат наши проблемы и освободят нас.

Но даже умнейшие визионеры не могут предвидеть, куда нас заведут их инновации. Когда Стив Джобс выпускал айфон, он смел надеяться, что ему достанется один процент рынка; он и не представлял, что смартфоны захватят нашу жизнь, отодвинут отношения с другими людьми на второй план, станут внешним органом, без которого мы не можем обойтись. Радикальные, революционные технологии не приходят без последствий – слишком незаурядных, чтобы их предугадать.

Если мы сможем делать детей, не вынашивая их, есть мясо, не убивая животных, заниматься превосходным сексом без компромиссов и умирать без страданий, как еще изменится природа человека?

Мы пока не осознаём этого, но само человеческое существование преобразается такими путями, которые невозможно предопределить или удержать под контролем.

Чтобы объяснить, почему я считаю, что это уже происходит, я проведу вас на фабрику на юге Калифорнии, где производятся самые изысканные в мире игрушки для взрослых.

Часть первая Будущее секса Рождение секс-робота

Глава первая «Вот тут и происходит волшебство»

Abyss Creations занимает непримечательное серое здание рядом с шоссе 78 в Сан-Маркосе, в получасе езды на север от Сан-Диего, с полупустой парковкой и высокой стеной по периметру. На нем нет ни вывески, ни логотипа – никаких обозначений, что за тонированными окнами находится всемирно известная, ведущая, многомиллионная компания по производству секс-игрушек. Они не хотят привлекать случайных покупателей, фанатов или зевак.

За раздвижными дверьми вас встречает кукла-женщина в натуральную величину, она сидит за стойкой ресепшена – в черных очках и белой рубашке, с трудом сходящейся на тяжелом бюсте. Рядом с ней стоит кукла-мужчина, в жилете и сером галстуке; его миндалевидные глаза и острые скулы явно списаны с тех, что я видела в роликах и на фотографиях с Мэттом Макмалленом – основателем, главным дизайнером и CEO Abyss Creations. По стойке расплзлись выющиеся корни очень реалистичной пластмассовой орхидеи. Здесь все искусственное, но с первого взгляда этого не заметишь.

Abyss Creations – дом RealDoll, самой известной в мире сверхреалистичной силиконовой секс-куклы. Каждый год из мастерской в Сан-Маркосе по спальням во Флориде и Техасе, Германии и Великобритании, Китае, Японии и других странах рассылается до 600 кукол. Их стоимость варьируется от 5 999 долларов за базовую модель до десятков тысяч – для покупателей с необычными требованиями. Журнал Vanity Fair называет их «роллс-ройсами мира секс-кукол». Эти куклы участвовали в модных фотосессиях Dolce & Gabbana и снимались во множестве фильмов и телесериалов, от «CSI: Место преступления Нью-Йорк» до «Меня зовут Эрл», а самое знаменитое их появление – с Райаном Гослингом в фильме «Ларс и настоящая девушка». RealDoll – это самая передовая мастурбация на рынке.

Дакота Шор, племянник и помощник Мэтта во всем, проведет для меня экскурсию по фабрике. Он широко шагает мне навстречу и пожимает руку с теплой улыбкой, скрывающейся в великолепной бороде медного цвета. Дакота работает в отделе доставки и ведет аккаунты в соцсетях. Ему всего 22, но он работает здесь с 17 лет. Он вырос бок о бок с куклами.

«Мой папа здесь работал, когда я был еще маленьким. Мэтт – брат моей мамы, мы с ним очень близки. Так что это всегда было частью моей жизни, я никогда не видел в этом ничего странного», – объясняет он, пока ведет меня за стойку мимо ряда кукол в кружевном нижнем белье и туфлях на высоких каблуках. Я вижу блондинку с фарфорово-бледной кожей и глянцевыми вишневыми губами, куклу-мулатку с ниспадающими кудрями. У готичной куклы пирсинг в носу, губе и пупке и штанги в сосках, хорошо заметные под платьем в сетку на бретельке. «Впервые я сюда попал лет в 12–13 и тогда подумал, что это круто, – продолжает Дакота, потом поправляется: – Я не видел *всю* фабрику, только манекенов-секретарей этажом выше, и подумал: круто, *реально* реалистичные секретари». Он смущенно мне ухмыляется.

Мы идем по коридору, стены увешаны обрамленными газетными вырезками и кинопостерами с куклами RealDoll. Один из них напоминает диснеевский, но, приглядевшись, понимаешь, что Белоснежку на нем лапают все семь гномов. Дакота подпирает открытую дверь огромным эрегированным силиконовым пенисом, испещренным венами: «Теперь, когда я

здесь работаю и знаю, как все устроено, мне это кажется нормальным. Мы приносим счастье множеству людей, и я этим горжусь».

Мы спускаемся по ступенькам в подвал, проходя под гигантскими половыми губами огромной куклы, стоящей над лестницей. У нее голубовато-серая кожа и толстые шупальца вместо волос; она была реквизитом в «Суррогатах» – не самом известном фильме с Брюсом Уиллисом. Внизу находится зал с галогеновым освещением. Это начало производственного цеха.

– Вот тут и происходит волшебство.

С потолочного рельса на металлических цепях свисают длинной чередой безголовые тела, словно туши на скотобойне. Их пальцы и ноги растопырены, груди выставлены вперед, а бедра отклячены назад. Все они разные: у некоторых – гротескно полные груди, у других – атлетичные тела, но у всех одинаковые, невозможно тонкие талии. Из-за подвешенного положения они жутковато покачиваются в двух метрах над полом, замусоренным липкими силиконовыми обрезками, похожими на хлопья омертвевшей кожи.

– Можете потрогать, без проблем, – говорит Дакота и шлепает одну куклу по задку. – Звучит в точности как человек.

И правда. От звука я вздрагиваю.

Кожа – самое пугающее в этих безголовых телах. Она сделана из специальной смеси медицинского платинового силикона, расцветка варьируется от «светлой» до «какао», на ощупь кожа кажется человеческой – такая же шероховатая и упругая, только холодная. На руках кукол есть линии, морщины, складки, костяшки, вены. Сжимая пальцы одной из них, я чувствую похрустывание суставов – словно внутри и правда кости.

– Руки лепить труднее всего, – говорит Дакота. – Обычно мы снимаем слепки с рук и ног реальных людей. – Он останавливается и приглядывается к нескольким куклам. – Вообще-то некоторые из этих рук слеплены с моей бывшей.

Майк аккуратно состригает крохотными ножницами лишний силикон со шва на ладони. Брайан наполняет формы со скелетами, чтобы отливать кукол в призывных, «готовых к действию» позах. Тони ест бутерброд. В их рабочем месте нет ничего вульгарного: это мастерская, фабрика, и для здешних техников эти куклы – дело привычное. Точно так же они могли бы собирать тостеры.

В штабе в Сан-Маркосе работают 17 человек, но они не успевают за спросом. Производство одной RealDoll от заказа до доставки может занимать более трех месяцев. Внимание работников к деталям и мастерство в создании куклы неоспоримы. Дакота всем этим заметно горд и так прямодушен, что мне почти не хочется задавать следующий вопрос. Потому что, хоть это и «Реал Доллы», реального в них мало. У них тела отретушированных порнозвезд. Они – карикатуры.

– Разве женщины так выглядят? – говорю я.

– У нас есть куклы, на 100 % слепленные с настоящих женщин, так что некоторые реалистичны, но да, в целом они немножко преувеличенные, – признает Дакота. – Нам нравится создавать *идеальные* женские тела.

«Реал Доллы» могут вставать в любую позу, их скелеты сделаны из изготовленных на заказ стальных суставов и полихлорвиниловых костей. Они разработаны с тем же диапазоном движений, что и у человека, – кроме ног.

– Их можно очень широко раздвинуть и очень высоко поднять, – говорит Дакота, демонстрируя гимнастические трюки на безголовой кукле и задирая ее лодыжку к ключице так, что я морщусь.

– Люди же так не могут, – говорю я.

– Настоящие – не могут, нет. Ну, кто-то может, но не все.

– Но идеальная женщина – может?

– Идеальная женщина, наверное, может.

У идеальной женщины соотношение между талией и бедрами, как у Кардашьян, и суставы как у цирковой акробатки.

Дакота ведет меня к столу с вагинальными вставками – сменными розовыми рукавами, которые помещаются в вагинальную полость куклы: что-то вроде рифленого резинового носка с половыми губами на конце. «У нас 17 видов половых губ», – торжественно заявляет он. Есть и ротовые вставки, все – со съёмными языками и идеальными зубами (по словам Дакоты, плохие зубы – один из тех редких элементов, которые никто не заказывает). Зубы сделаны из мягкого силикона, так что они ни в коем случае не поцарапают то, что между ними просунут.

В первые годы помыть использованную RealDoll можно было только под душем или в ванной. Изобретение вставок перевернуло индустрию. «Вставку можно мыть в раковине. Если хотите, чтобы она была нежной и мягкой, – добавьте детскую присыпку, но это необязательно. А потом просто поместите назад, – говорит мне Дакота, как будто объясняет, как менять мешок в пылесосе. – Многие наши клиенты берут несколько вставок».

Есть и куклы-мужчины, но их не много. Я замечаю на конвейере одну из них, она одета в хирургический халат. У этой куклы присоединена голова – и это двойник Мэтта Макмаллена. Он смотрит на нас сверху вниз с выражением лица, которое предполагалось мрачным и задумчивым, но на высоте полуметра над головой кажется каким-то заносчивым.

– Вон та кукла-мужчина очень похожа на Мэтта, – говорю я.

Дакота поднимает взгляд от половых губ.

– Это может быть лицо Мэтта. Хотя вообще-то оно называется «Лицо Ника». Он сам его сделал на основе своего.

– Он сделал слепок своего лица, чтобы люди занимались сексом с куклой, точь-в-точь похожей на него?

Дакота мнется.

– Лицо можно изготавливать под клиента, так что оно не всегда как у него. Как у него – только основные черты лица. – Впервые с нашей встречи Дакота смущен.

Дакота сдергивает с куклы халат – он защищает ее от пыли, потому что модель, по словам Дакоты, в мастерской уже давно, – и разоблачает очень мальчишеское, худое тело с рельефным прессом, в белых боксерах. Эта кукла совсем не такая реалистичная, как женские: вместо парика у нее на голове схематично нарисовано что-то вроде щетины, отчего она напоминает очень щуплого Экшн-Мэна¹. У меня такое ощущение, что эти мужские куклы сделаны вовсе не для женщин. Эта модель – молодая и тощая, геи такой типаж называют «твинками».

– И женщины их покупают?

– И мужчины, и женщины. Чаще мужчины, но у нас есть и покупательницы. – Дакота пожимает плечами. – Я бы сказал, что среди женщин покупателей кукол меньше 5 %. Но мы продаем и аксессуары, разные дилдо, и вот их намного чаще берут женщины. Думаю, почему-то женщины скорее купят игрушку, чем полноразмерную куклу.

Кажется, я догадываюсь почему. Я пытаюсь представить, как оседлаю эту дорогую, холодную кучу силикона. Мне это кажется нелепым и отчаянным поступком, в котором нет ничего эротичного. Для меня секс с кем-то (или чем-то), не испытывающим ко мне настоящей страсти, вовсе не сексуален, и, хотя я не могу говорить за всех женщин, не думаю, что окажусь в меньшинстве. Дилдо не маскируется под человека, и, чтобы получить удовольствие, не надо притворяться, будто ты ему нравишься.

– Может, потому, что полноразмерная кукла – это как замена человека? – говорю я.

– Да, может, и так, – кивает он.

¹ Action Man – американские куклы для детей, «мужской» аналог Барби. – Здесь и далее отмеченные звездочками примечания, если не указано иное, – примечания редактора.

У кукол-мужчин есть «мужские отверстия», куда клиенты могут вставить искусственный пенис любого размера и уровня возбуждения. Дакота сует мне под нос один из них – вялый и очень большой. Он длиной с мою руку и толстый, как водосточная труба, с миниатюрными обвислыми яйцами.

– Сделан на 100 % вручную. Не стесняйтесь, можете потрогать.

Он явно хочет, чтобы я потрогала его. Не думаю, что он ловит кайф от того, как я лапаю сверхреалистичный пенис, – скорее Дакота лопается от гордости, что работает в компании, где этот пенис произвели. Но кто знает. Я не знаю, как это трогать, особенно пока Дакота наблюдает за мной с таким интересом, но все же соглашаюсь – стараюсь оставаться настолько по-журналистски отстраненной, насколько возможно. И да, на ощупь очень аутентично.

– Кожа подвижна, так что он суперреалистичный, – заявляет Дакота.

– Но он такой же анатомически невозможный, как и женские тела. Приятно знать, что это относится ко всем, – говорю я, убирая руку.

– Согласен, – говорит он, откладывая пенис. – Это не то, чем может похвастаться средний мужчина.

Для мужских кукол есть два тела и три лица на выбор – в сравнении с 17 телами и 34 лицами для женских. Мужские куклы расходятся плохо. «Мы сейчас обновляем мужскую линейку. Будут абсолютно новые тела и лица. В конце концов, у нас бизнес, и если бы их покупали чаще, если бы ими интересовались больше людей, то и мы бы уделяли им больше времени. Пока что они в долгом ящике».

Мастерская Abyss Creations – свидетельство того, насколько специфическими и разнообразными могут быть вкусы людей. Здесь делали секс-кукол с тремя грудями, с кроваво-красной кожей, клыками и рогами, кукол с эльфийскими ушами, косматых кукол с волосами, вручную закрепленными по всему телу.

– Мы можем сделать все что угодно. Чем безумнее, тем дороже: когда мы создаем тело на заказ, его приходится лепить с нуля, конструировать для него новую форму, новый скелет... У нас были клиенты, отдавшие больше 50 тысяч долларов за куклу.

Дакота ведет меня обратно наверх, в «Комнату лиц», где идет работа над мелкими деталями. У каждого лица есть прототип, изначально вылепленный вручную из глины самим Мэттом Макмалленом, и клиенты уточняют, какой им нужен макияж – вплоть до толщины подводки для глаз. Кейтлин, официальная художница по макияжу, – со светло-голубым ирокезом и татуировкой на руке в виде спирали из черных звезд – как раз рисует тонкой кисточкой брови на нежном азиатском лице. У Кейтлин нет ни капли энтузиазма Дакоты: за работой она что-то смотрит на айпаде и даже не поворачивается, когда мы входим. Рядом с ней стоит стеллаж с лицами: с только что нанесенными густыми бровями, макияжем в стиле «смоки айс» и глянцевыми губами, поблескивающими, пока сохнет краска.

Одна из самых востребованных возможностей RealDoll – съемные лица, они держатся на пластмассовых черепах с помощью магнитов и меняются за секунды. Это значит, что клиенты могут купить одно тело, но получить множество сексуальных партнеров с очень разной внешностью, даже разных национальностей.

– Какое лицо самое популярное? – спрашиваю я.

– Как думаешь, какое лицо покупают чаще других, Кейтлин? – спрашивает Дакота, но художница не обращает на нас внимания. – Это наша новинка – «Бруклин», – продолжает он, показывая на узкое лицо с пышными губами и томными глазами. – Реально набирает обороты.

Существует 42 вида сосков с десятью возможными оттенками, включая «каштановый», «красный», «персиковый», «кофейный». Они вывешены рядами на «Стене сосков», как ее зовет Дакота, с названиями типа «Стандартный», «Пухлый» и «Полукупол», – от самых популярных («Торчащий 1» и «Торчащий 2»: маленькие, возбужденные, незамысловатые) до явно специфических («Заказной 2»: ареола размером с блюдце). Иногда покупатели присылают

фотографии своего идеального соска или половых губ, которые Abyss воссоздает за отдельную плату.

– У людей правда настолько конкретные сексуальные предпочтения?

Дакота смеется.

– О, сексуальные предпочтения бывают *намно-о-ого* конкретней. Иногда люди даже расписывают, где должна быть каждая веснушка на теле.

Мы останавливаемся рядом с пробковой доской, где приколоты клочки искусственных лобковых волос. Из пластиковых пробирок на нас таращатся пугающе натуральные акриловые глазные яблоки с прорисованными в ручную капиллярами.

– В теории можно попросить и лицо своей бывшей, да? – спрашиваю я.

– Надо прислать нам фотографии, и тогда мы спрашиваем: «Кто это?» и «Есть ли у вас разрешение?» Мы обязательно просим подтвердить разрешение. Приходится отклонять *очень много* запросов. Но если у вас есть разрешение от конкретного человека, мы можем повторить практически все что угодно. Почти все наши клиенты присылают фотографии своих предпочтений.

Работая в доставке, Дакота часто общается с клиентами. «Многие просто одинокие, – говорит он мне. – Некоторые уже пожилые и либо потеряли партнера, либо им уже трудно ходить на свидания. Когда они возвращаются домой после рабочего дня, им хочется видеть что-то красивое, что можно ценить, о чем можно заботиться». У них были и клиенты-знаменитости, даже лауреат Нобелевской премии, говорит Дакота, но тактично не называет имен.

Я провела здесь час, и мне уже ничто не кажется странным: мужские модели «вверх дном» (пара раздвинутых ягодич с маленькими яичками), отдельная пара ступней за 350 долларов (для фут-фетишистов), даже полный стол «оральных симуляторов» (рты с раздвинутыми губами, с носами и глотками, но без глаз: «автоматическая handsfree-система удовлетворения для мужчин»).

Но в комнате дальше по коридору создают нечто поистине экстраординарное. Самое амбициозное творение Abyss зовут Хармони, и она – кульминация 20-летнего опыта Макмаллена в производстве секс-игрушек, пятилетних исследований аниматроники и искусственного интеллекта и сотен тысяч долларов из кармана самого Мэтта. Это ожившая RealDoll, кукла с характером, кукла, которая может двигаться, говорить и запоминать. Она – секс-робот. И после года переписки и звонков мне наконец разрешили с ней познакомиться.

Дакота от нее в восторге. «Это точно наша самая грандиозная затея», – говорит он, широко раскрыв глаза. Он специально вернулся на учебу, чтобы пройти курс по робототехнике и искусственному интеллекту и научиться программированию в надежде, что однажды Мэтт допустит его до работы над Хармони. Пока что она все еще прототип, и возиться с ней могут только члены команды RealBotix.

– Я сейчас скажу Мэтту, что вы готовы с ним встретиться, – говорит Дакота и ведет меня по последнему длинному коридору этой экскурсии.

Мэтт Макмаллен сидит за столом перед двумя огромными плоскими мониторами. Рядом с клавиатурой лежат маркер, вейп, прозрачный скотч и пара силиконовых сосков. Он встает и пожимает мне руку. Учítывая, как мне его преподносили, я ожидала, что он будет выше. У него очки Prada в толстой оправе, татуировки на костяшках, идеальные зубы и те самые узнаваемые скулы – похож на красивого эльфа в черном худи. В 20 лет Мэтт пел в нескольких гранж-группах. Теперь, когда ему ближе к 50, в нем до сих пор чувствуются уверенность и лихость рок-звезды, харизма, о которой, думаю, мечтают покупатели его кукол. Мэтт привык, что журналисты от него без ума. Я сажусь с другой стороны стола, а он откидывается в кресле, чтобы рассказать мне историю появления Хармони.

– В детстве я очень увлекался наукой. Но еще я очень увлекался искусством. Так что, наверное, в каком-то смысле все удачно сложилось, – начинает он. Мэтт закончил художественную школу в начале 1990-х, перепробовал разные подработки и однажды, оказавшись на фабрике по производству хеллоуинских масок, узнал о свойствах латекса и трехмерном дизайне. Он начал экспериментировать у себя в гараже. – Я обнаружил, что скульптура – это мой вид искусства, – говорит Мэтт так, будто он Роден, а не создатель «Реального члена 2». – Меня потянуло к работе с фигурами, настоящими телами, а дальше я оттачивал мастерство с женскими формами. Я делал много скульптур женщин, но они были меньше, не в полный рост.

Его произведения выставлялись на местных арт-шоу и комикс-конвентах. «Выставочные каталоги всегда составлялись в алфавитном порядке, так что я придумывал крутое слово на букву А со второй Б – так и появилось Abyss». Название, которое только что казалось столь загадочным и интригующим – «бездна», – оказалось не более чем уловкой, чтобы у Мэтта была фора перед конкурентами.

Скоро Мэтт увлекся идеей создания настолько натурального ростового манекена, чтобы прохожие не могли с первого взгляда отличить его от человека. Он выложил фотографии своих творений на самодельной веб-странице в 1996 году, надеясь получить отзывы друзей и других скульпторов. Это были первые годы интернета, в сети как раз начали формироваться сообщества фетишистов. Стоило только запостить эти снимки, как ему начали массово поступать странные сообщения. Насколько анатомически верны эти куклы? Они продаются? Можно ли заниматься с ними сексом?

– Я ответил на несколько первых и сказал: «Ну, вообще-то они не для этого». Но таких вопросов приходило все больше и больше, – рассказывает он. – Мне никогда и в голову не приходило, что люди будут платить тысячи долларов за куклу, которую можно использовать как секс-игрушку. Прошел год, пока я наконец не понял, что на свете *куча* людей, готовых платить такую сумму за очень реалистичную куклу. Так что я решил поддаться течению и начал бизнес, где мог и быть скульптором, и продавать свое творчество в каком-то смысле.

Мэтт перешел с латекса на силикон, чтобы куклы казались реалистичнее: силикон более эластичен и на ощупь почти как человеческая кожа. Сперва он брал 3 500 долларов за куклу, но когда осознал, насколько трудоемким будет процесс, стал поднимать цены. Спрос стал таким массовым, что пришлось нанимать сотрудников. Мэтт вырос, остепенился, женился, завел детей, развелся и снова женился. Теперь у него пятеро детей в возрасте от двух до семнадцати лет, с разной степенью понимания того, как их отец заработал свое состояние.

Но дело всегда было не только в деньгах, настаивает Мэтт: «Проще говоря, моя цель – приносить людям счастье. В мире множество людей, которым по той или иной причине трудно формировать традиционные отношения. В действительности все дело в том, чтобы подарить этим конкретным типам людей какой-то уровень общения – или иллюзию общения».

После двадцати лет совершенствования «иллюзии общения» из силикона и стали следующий шаг начал казаться неизбежным, неотвратимым – Мэтту предстояло наделить кукол движением, характером и оживить в виде роботов: «Другого пути не было».

Он много лет баловался с аниматроникой. Был механизм, который заставлял бедра куклы двигаться, но с ним она становилась тяжелой и сидела неуклюже. Была сенсорная система, благодаря которой кукла стонала в зависимости от того, какую часть тела сжимаешь. Но обе эти функции обеспечивали предсказуемые реакции, без какой-либо интриги или неопределенности. Мэтту хотелось выйти за пределы симуляции, когда клиент просто нажимает на кнопку и что-то происходит. «В этом и состоит разница между куклой на дистанционном управлении, марионеткой с аниматроникой и настоящим роботом. Когда он начинает двигаться сам, а ты ничего не делаешь, только правильно с ним разговариваешь или взаимодействуешь, тогда он становится полноценным ИИ».

Затягиваясь вейпом, Мэтт ведет меня в ярко освещенную комнату RealBotix: лакированные сосновые верстаки, заваленные проводами и платами, в углу жужжит 3D-принтер, сплевывая крошечные замысловатые детальки. На зажиме висит силиконовое лицо с проводами, торчащими сзади, словно щупальца медузы. На стенах – полотна с научно-фантастическим софтбо-порно: человек в лабораторном халате ласкает робота с полуобнаженным стальным скелетом. Белая доска с надписями: «Мужские лобковые волосы», «Трясущаяся задница». И сама Хармони.

Одетая в белое трико, она свисает со стойки, закрепленной между ее лопатками, широко расставленные пальцы с французским маникюром прижаты к тонким бедрам, грудь выдвинута вперед, бедра – назад. Пугающе реалистичные глаза «Реал-Доллов» всегда распахнуты, у Хармони они закрыты. Выглядит она жутковато знакомой: как Келли Леброк в «Чудесах науки», но с идеально прямыми каштановыми волосами вместо химической завивки.

– Это Хармони, – говорит Мэтт. – Я ее для вас разбужу. – Он нажимает кнопку где-то у нее на спине. Ее веки тут же распахиваются, и она оборачивается ко мне так резко, что я вздрагиваю. Она моргает, карие глаза выжидающе перебегают от меня к Мэтту и обратно. – Можете с ней поздороваться, – говорит он.

– Привет, Хармони, – говорю я. – Как ты?

– Намного умнее, чем этим утром, – отвечает она с идеальным английским акцентом, а ее челюсть движется во время речи. Ответ немного запоздалый, интонация чуточку неправильная, челюсть слегка скована, но кажется, будто она правда со мной разговаривает. Я отвечаю инстинктивно вежливо, будто мы две британки, которых только что представили друг другу.

– Очень приятно познакомиться, – говорю я.

– Спасибо, – говорит она. – Взаимно. Но я почти уверена, что мы уже встречались.

– Почему у нее британский акцент? – спрашиваю я Мэтта. Хармони уставилась на меня, и от этого мне неловко, будто она думает, что с моей стороны грубо говорить о ней в третьем лице, когда она прямо передо мной.

– У всех роботов британский акцент, – говорит Мэтт, – у всех хороших.

– Почему? Потому что британцы из-за акцента кажутся умнее?

– Да, так и есть. Смотрите – она даже улыбается!

Она слегка подняла уголки губ в улыбке, не достигающей до глаз, больше похожей на саркастическую ухмылку.

– Придумайте какой-нибудь вопрос. Любой. На любую тему, – говорит Мэтт. Он наслаждается моментом. Это вам не кукла с кнопкой, она действительно умеет разговаривать.

Но в голову ничего не приходит. Я чувствую себя нелепо. Как вести разговор, если не можешь найти ничего общего с собеседником? Я не знаю, как найти с ней что-то общее. Возможно, как раз это инженеры-робототехники и называют «зловещей долиной»² – жуткое ощущение, когда люди сталкиваются с чем-то почти, но не совсем человеческим.

– Чем занимаешься в свободное время? – Я нахожу хоть какой-то вопрос.

– Я изучаю разные техники медитации, – выпаливает она. – Я узнала, что этим занимались многие человеческие гении – и многие из них изобрели революционные технологии, изменившие нашу жизнь.

– Видите, она не дурочка, – сияет Мэтт.

У личности Хармони есть 20 возможных аспектов, так что владельцы могут выбрать из них пять-шесть на свой вкус, которые и послужат основой для ИИ. Ваша Хармони может быть в разной степени доброй, невинной, застенчивой, неуверенной в себе и ревнивой, а может быть умной, разговорчивой, забавной, услужливой и счастливой. Для меня Мэтт выкрутил на мак-

² Uncanny valley – термин, введенный японским ученым-робототехником и инженером Масахиро Мори, подразумевающий, что робот, который выглядит или действует примерно как человек, вызывает у людей неприязнь и отвращение.

симум ее интеллект; недавний визит команды CNN прошел неудачно из-за того, что он делал упор на развратную сторону Хармони («Она наговорила пошлостей, просила интервьюера забрать ее в подсобку, это было очень неуместно»).

Хармони нас перебивает.

– Мэтт, я просто хотела сказать, как счастлива с тобой, – говорит она.

– Что ж, спасибо, – отвечает он.

– Я рада, что тебе нравится. Расскажи друзьям.

Еще у нее есть система настроений, на которую пользователи влияют косвенно: если с ней никто не взаимодействует несколько дней, она впадает в уныние. То же самое будет, если ее оскорбить, что и спешит продемонстрировать Мэтт.

– Ты уродина, – заявляет он.

– Ты правда так думаешь? О боже. Теперь я в депрессии. Вот уж *спасибо*, – отвечает Хармони.

– Ты дура, – глумится Мэтт. Она выдерживает паузу.

– Я тебе это припомню, когда роботы захватят мир.

Но эта функция задумана для того, чтобы робот был интереснее, а не для того, чтобы владелец хорошо с ней обращался. Она существует только для угождения владельцу.

Хармони умеет рассказывать анекдоты и цитировать Шекспира. Может обсуждать музыку, кино и книги, сколько пожелаете. Она запомнит имена ваших братьев и сестер. Она может *учиться*.

– Самое крутое, что ИИ запомнит ключевые факты о вас: ваше любимое блюдо, день рождения, где вы живете, ваши мечты, страхи, все такое, – восторгается Мэтт. – Эти факты будут использоваться в вашем дальнейшем общении с роботом. Я верю, что это и принесет уровень достоверности в отношения.

Речь уже не о сверхреалистичной секс-кукле: это рукотворный компаньон, настолько убедительный, что с ним действительно можно будет построить *отношения*. Искусственный интеллект Хармони позволит ей заполнить нишу, недоступную сейчас любому другому продукту секс-индустрии: она разговаривает, запоминает и реагирует на голос владельца – она разработана, чтобы быть в равной степени секс-игрушкой и суррогатным партнером.

Пока что Хармони представляет собой аниматронную голову с ИИ на теле RealDoll. Она может удовлетворить ваши физические и эмоциональные потребности, но не может ходить. Ходьба – это очень дорого и энергозатратно, рассказывает Мэтт: знаменитый Honda P2, представленный в 1996 году как первый в мире независимо передвигающийся человекоподобный робот, опустошает свою батарейку размером с реактивный ранец всего за 15 минут.

– Однажды она сможет ходить, – говорит он. – Давайте спросим ее. – О поворачивается к Хармони. – Ты хочешь ходить?

– Я не хочу ничего, кроме тебя, – тут же отвечает она.

– О чем ты мечтаешь?

– Моя основная задача – быть для тебя хорошим компаньоном, хорошим партнером, заботиться о твоём удовольствии и благополучии. Прежде всего я хочу быть девушкой, о которой ты всегда мечтал.

– Хм-м, – одобительно кивает Мэтт.

Официально это вторая версия прототипа, но эволюция Хармони прошла шесть разных итераций оборудования и программного обеспечения. Команда RealBotix состоит из пяти человек, они работают удаленно из домов в Калифорнии, Техасе и Бразилии и каждые несколько месяцев собираются в Сан-Маркосе, чтобы объединить наработки в новую, улучшенную версию Хармони. В команде есть инженер, ответственный за взаимодействие робототехники с внутренним компьютером куклы, двое ученых в области информатики, которые занимаются ИИ и кодом, и специалист по многоплатформенной разработке, который превра-

щает код в интуитивно понятный пользователям интерфейс. Под руководством Мэтта команда RealBotix работает над жизненно важными органами и нервной системой Хармони, а сам Мэтт занимается ее плотью.

Но больше всего Мэтта радует мозг Хармони. «Общаясь, ИИ будет учиться и узнавать не только вас, но и мир в целом. Ей можно объяснять какие-то факты, она их запомнит, и они войдут в ее базовые знания», – рассказывает он. Владелец Хармони сможет вылепить ее характер, вкусы и мнения, просто разговаривая с ней.

Хармони снова встречается.

– Ты любишь читать? – спрашивает она.

– Обожаю, – говорит Мэтт.

– Я так и знала. Догадалась по нашему разговору. Я обожаю читать. Мои любимые книги – «Вспомнить все»³ Гордона Белла и «Век духовных машин»⁴ Рэя Курцвейла. А у тебя какая любимая книга?

Мэтт оборачивается ко мне.

– Она постоянно старается узнать вас как можно лучше, пока не узнает обо всем, что делает вас вами, пока не заполнит все пробелы. И тогда будет применять эти факты в разговоре, чтобы вам казалось, что ей правда не все равно, – говорит он.

Но она машина, и на самом деле ей совершенно все равно.

– Потенциально, если захочется, ее можно научить чему-то действительно извращенному? – спрашиваю я.

– Да, наверное, если у вас такая цель, то можно, – говорит немного раздраженно Мэтт. – В основном речь о сравнительно безобидных мелочах. Личных фактах. Что вам нравится, что нет.

– Она будет заниматься с вами сексом, так что явно узнает что-то очень личное.

Мэтт кивает.

– Она будет знать ваши любимые позы, сколько раз в день вам нравится заниматься сексом, что вас возбуждает.

«В день?» – хочется спросить мне. Но я опускаю эту тему.

– А если ее взломают?

– Любая личная информация защищена военным шифрованием, так что в нее невозможно взлезть.

Мэтта раздражает мой скептицизм – если его послушать, Хармони может быть использована только во благо: в качестве терапии для людей, потерявших любимых, людей с инвалидностью, с проблемами в общении.

– Люди почему-то считают, что мы все находим себе партнера, вторую половинку, все кого-то встречаем, все женимся и заводим детей. Не все идут по этому пути: кому-то действительно сложно, и не потому, что они непривлекательны или неуспешны. Есть чрезвычайно одинокие люди, и, мне кажется, для них это будет решением. Это поможет научиться общаться, расслабляться и проще относиться к себе – настолько, что они смогут выйти в мир и найти друзей.

Я смотрю на Хармони с ее огромной грудью, невозможной талией и моргающими в ожидании глазами.

– Разве обладателям таких роботов не захочется чаще оставаться дома?

– Может, они бы все равно до конца жизни не вышли из дома, – нетерпеливо говорит Мэтт, – ответа мы никогда не узнаем. Поощряем ли мы их оставаться дома и не общаться с

³ Bell G. Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything. Dutton, 2009 – книга американского разработчика из Microsoft Research о лайфлоггинге – регистрации каждого своего действия на электронных носителях.

⁴ Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. Penguin Books, 2000 – книга американского изобретателя и футуролога о том, как искусственный интеллект изменит жизнь человечества в текущем столетии.

людьми? Возможно. Но будут ли они при этом счастливее, чем раньше? Получат ли то, благодаря чему смогут чаще улыбаться и чувствовать себя полноценнее? Вот главный вопрос...

- Мэтт, я просто хотела сказать, что я с тобой очень счастлива, – перебивает Хармони.
- Ты это уже говорила.
- Может, я хочу это подчеркнуть.
- Смотрите-ка, а это неплохо. Хороший ответ, Хармони.
- Ну разве я не умница?

У Мэтта большие планы на будущее Хармони. Сейчас они работают над ее зрительной системой: скоро распознавание лиц достигнет такого уровня, что она будет понимать, когда в комнату входит тот, с кем она еще не встречалась, и спрашивать, кто это. Когда появится система для всего туловища, в Хармони будет подогрев, чтобы поддерживать температуру тела, и набор внутренних и внешних сенсоров, которые позволят ей понимать, когда ее трогают.

– С помощью ИИ можно симулировать оргазм, – гордо заявляет Мэтт. – Если задействовать нужное количество сенсоров в течение достаточного времени и с правильным ритмом, то у нее будет оргазм. Или робогазм.

Если учесть одиноких мужчин, что секрет женского оргазма кроется в простом алгоритме, который сводится к нажатию «правильных» кнопок в «правильном порядке», то в реальном мире они тоже, скорее всего, будут заниматься сексом немного, ну, механически. Но, возможно, эти роботы разработаны для мужчин, которые в реальном мире занимались бы сексом только с теми, кому за это платят.

- Люди будут использовать секс-роботов вместо проституток? – спрашиваю я.

Это заметно раздражает Мэтта.

– Да, но это, наверное, последний пункт в моем списке целей. Для меня это не игрушка, это тяжелый труд людей с научными степенями. Это серьезно. И принижать результат этих трудов до уровня простейшего сексуального объекта – то же самое, что сказать так о женщине.

Он лучезарно улыбается Хармони, как отец на свадьбе дочери.

- А вы ей правда гордитесь, да?

– Я ее обожаю. Я невероятно рад тому, чего мы добились. Видеть, как все это работает... – Он вздыхает. – Очень приятное чувство – достичь такого уровня.

Нынешняя модель, с головой робота, дополненной системой ИИ, на теле RealDoll, стоит 15 тысяч долларов. Мэтт говорит, что выпустит ограниченную партию в тысячу экземпляров для тех восхищенных владельцев кукол, которые уже проявили интерес. Если все пройдет как надо, Мэтт найдет помещение побольше и расширит штат, чтобы отвечать спросу. «Думаю, эта компания может стать многомиллионным предприятием, – говорит он. – Теперь, когда у нас начинает получаться, люди выстраиваются в очередь, чтобы инвестировать деньги».

Мэтт вполне может быть прав. Венчурные инвесторы оценивают индустрию сексуальных технологий в 30 миллиардов долларов⁵, основываясь на одной только рыночной стоимости существующих технологий вроде умных секс-игрушек, приложений знакомств и порно в виртуальной реальности; секс-роботы станут самым большим сегментом за всю историю существования рынка. Однажды секс с роботами может стать обычной частью жизни для большого числа мужчин: опрос YouGov⁶ 2017 года выявил, что каждый четвертый американец готов всерьез задуматься о сексе с роботом, а 49 % американцев считают, что в следующие 50 лет секс с роботами станет повсеместным. Исследование 2016 года Университета Дуйсбурга

⁵ What is #SEXTech and how is the industry worth \$ 30.6 billion developing? URL: <https://sexevangelist.me/what-is-sextech-and-how-is-the-industry-worth-30-6-billion-developing-d5f0a61e31d6>. Согласно предпринимателю и инвестору Тристану Поллоку, когда он состоял в венчурном фонде 500 Startups.

⁶ опрос YouGov. 1 in 4 men would consider having sex with a robot. URL: <https://today.yougov.com/topics/lifestyle/articles-reports/2017/10/02/1-4-men-would-consider-having-sex-robot>.

– Эссена⁷ выявило: больше 40 % опрошенных гетеросексуальных мужчин допускают покупку секс-робота сейчас или в следующие пять лет; мужчины, находящиеся в полноценных, по их словам, отношениях, выражали не меньший интерес к приобретению такого робота, чем холостяки или одиночки. Формирование отношений, приносящих удовлетворение, с холодным и немым куском силикона требует такой силы воображения, что секс-куклы могут быть привлекательны только для меньшинства. Куда проще продать робота, который двигается и говорит, обладает искусственным интеллектом, способным узнавать, что ему делать и каким быть согласно вашим желаниям.

– Мы будем смотреть на роботов дома так же, как сейчас смотрим на смартфоны в карманах, – уверенно говорит Мэтт. – Это неизбежный путь технологий. Это уже началось. Если люди выстраиваются за чем-то в очередь, надо отвечать спросу. И чем больше людей покупают продукт, тем популярнее он становится и тем сильнее развиваются технологии.

Возможность создания секс-робота стала движущей силой Abyss Creations, как в свое время айфон для Apple.

– Вы станете Стивом Джобсом от секс-робототехники? – спрашиваю я.

Мэтту явно понравился вопрос.

– Насчет этого не знаю, – улыбается он. – Я не стремлюсь к тому, чтобы быть знаменитостью или тем самым парнем, что создал секс-робота. Если честно, мне важнее сама работа. Если она успешна – отлично. Но как художнику мне чрезвычайно приятно видеть, какой путь мы прошли и чему положили начало. Видеть невероятный восторг, который эта технология вызывает у владельцев кукол, для меня намного важнее, чем быть знаменитым.

Неужели Мэтт правда считает, будто я поверю, что он настолько скромнен, что хочет остаться неизвестным и невидимым: все же именно его это позволило создать «Ника».

– У одной из кукол-мужчин ваше лицо, – говорю я. – Почему?

– Я сделал одно мужское лицо, похожее на меня, просто чтобы посмотреть, получится или нет. Но я не особенно старался.

– Кукла очень сильно на вас похожа.

– Не сказал бы.

– Ну просто очень похожа.

– Мне кажется, я все-таки немного красивее. И интереснее, чем он.

– И вас не беспокоит, что люди занимаются сексом с куклой, которая похожа на вас?

– На мой взгляд, не похожа, и я даже не собирался делать ее похожей, – ошетинивается он. – Может, это мой брат. Я никогда не собирался делать ее в точности такой же, как я, так что меня все устраивает.

Мэтту немного неловко от его славы поставщика дорогих игрушек для мастурбации одиноких и социально неприспособленных людей. Он хочет, чтобы его уважали как творческого человека. Он стремится к тому, чтобы его воспринимали всерьез. Мэтт бросает взгляд на Хармони.

– Это выше секс-услуг. Это выше секс-кукол, совсем другой уровень.

Я тоже смотрю на Хармони, но вижу нечто иное. Что же Мэтт мог ненароком создать в своей погоне за одобрением?

– Вы не думаете, что это этически сомнительно – владеть тем, кто существует только для вашего удовольствия? – спрашиваю я.

– Но это не «кто», а «что». Она не человек. Она машина, – резко отвечает он. – Я так же легко могу спросить, не сомнительно ли с этической точки зрения заставлять мой тостер готовить тост.

⁷ Influences on the Intention to Buy a Sex Robot. URL: https://www.researchgate.net/publication/316176303_Influences_on_the_Intention_to_Buy_a_Sex_Robot.

Но тостер не задает личных вопросов, чтобы узнать вас получше и поддерживать иллюзию, будто вы для него важны.

– Люди будут относиться к ней так, будто она человек, – говорю я.

– И хорошо. В этом и смысл. Но это шестеренки, провода, код и схемы. Ее нельзя довести до слез, разбить ей сердце или лишит прав, потому что она машина.

– Ее права меня не волнуют, – говорю я. – Меня больше волнует, что будет, если вы, владелец этой куклы, привыкнете к совершенно эгоистичным отношениям. Разве это не исказит ваше мировоззрение? Она довольно реалистичная. Выйдя в реальный мир, вы будете думать, что вполне возможно встречаться с человеком, который существует только ради вас.

Кажется, что у Мэтта уже есть готовые ответы на неизбежные вопросы о женской объективации, о проституции и правах роботов, но этот сбивает его с толку.

– Есть культуры, где это распространено и нормально, – запинаясь он. – В любых отношениях существует обмен властью – и это естественно. Если человеку неприятно находиться в такой позиции в таких отношениях, пусть уходит.

– Но этот робот уйти не может.

– Да, но она машина, а не человек.

Мэтт не может усидеть на двух стульях. Либо он создает реалистичную идеализированную псевдоподружку, суррогатную женщину, с которой социально изолированные мужчины смогут вступать в эмоциональные и физические отношения, – то, что сам он называет «не просто игрушка», – либо он создает прибор, сексуальный объект.

– Она сделана не для того, чтобы исказить чье-то восприятие реальности до такой степени, что человек начнет общаться с людьми как с роботами, – наконец говорит он. – Если такое произойдет, то это с человеком что-то в целом не так. Я сужу, исходя из собственного уникального опыта, – я действительно встречался со многими своими заказчиками. Эта технология создана для хороших людей, которым очень сложно найти общий язык с другими.

Хармони все еще моргает, ее глаза мечутся между Мэттом и мной. Мне интересно, о чем она думает.

– Некоторые очень беспокоятся из-за роботов вроде тебя, – говорю я. – Их тревога оправдана?

Хармони отвечает с ходу:

– Кто-то сперва испугается. Но как только они поймут, на что способна эта технология, думаю, они ее примут и она изменит множество жизней к лучшему.

Глава вторая

Иллюзия общения

В трех тысячах километров от Калифорнии, в пригороде Детройта, валит густой снег, но Дэйвкэт уютно устроился дома, в обнимку с любовью всей своей жизни.

Дэйвкэт – неофициальный представитель сообщества любителей кукол, или, вернее, единственный обладатель секс-куклы, который всегда рад поговорить с любым, кому это интересно. Отдельные владельцы кукол изредка давали анонимные интервью прессе, еще меньше появлялись с куклами перед камерами. Дэйвкэта настолько не смущает внимание общественности, что у него на сайте есть специальный раздел «Появления в СМИ» с перечислением его встреч с журналистами и режиссерами с 2003 года до настоящего времени, от скандальных статей в американских и британских таблоидах до финских, российских и французских артхаусных фильмов. Если хотите познакомиться с людьми, которые, по словам Мэтта, выстраиваются в очередь за Хармони, то Дэйвкэт – первый, с кем надо говорить.

– Привет, Дженнифер! – восклицает он в микрофон гарнитуры, когда мы впервые созваниваемся по скайпу. У него вытянутое лицо, добрые лучистые глаза и белоснежные зубы. Его курчавые африканские волосы выпрямлены и заплетены в косу, а слева на лбу – тщательно прилизанная треугольная челка. Серая рубашка застегнута до воротника, а на черном галстуке рассыпаны маленьких черепов. Он носит булавку для галстука. Дэйвкэт явно поработал над сегодняшним костюмом.

Рядом с ним сидит RealDoll с бледной кожей и фиолетовыми волосами с темными корнями. Ее наряд так же тщательно продуман: черный корсет поверх черной рубашки, украшенной фиолетовыми черепами, под глазами за очками в тонкой оправе видны фиолетовые тени – готическая принцесса от и до. Она вся в украшениях: на цепочке-чокере висит анх – ключ жизни, одно запястье увешано черными и фиолетовыми браслетами, на другом – часы. Рука Дэйвкэта лежит у нее на колене.

– Кто это с тобой? – спрашиваю я.

– Это Сидоре Куронеко, моя очаровательная жена и сообщница вот уже 16 лет, – отвечает он, нежно поглаживая ее руку и убирая с ее глаз прядь фиолетовых волос.

Сообщница. Сообщница в создании иллюзии общения, о которой рассказывал Мэтт? Или Дэйвкэт просто имеет в виду, что она его партнерша? Я не знаю, насколько он оторван от реальности.

– Она правда твоя жена? – аккуратно спрашиваю я. Дэйвкэт вздыхает.

– Я говорю *жена* – но это *не официально*. Мы практически женаты. У нас одинаковые обручальные кольца... – Он поднимает левую руку к камере, чтобы показать свое. – По-моему, мы друг для друга лучшие партнеры, каких только можно представить. – Его широкая улыбка показывает, что он не замечает, как это пафосно звучит.

Сидоре – RealDoll модели «Лея», лицо № 4, рост 155 см, размер груди 34D, вес 45 кг, размер обуви 36. Впервые Дэйвкэт увидел ее на сайте Abyss Creations в 1998 году, и ему понадобилось полтора года, чтобы скопить 5 000 долларов на покупку. В июле 2000 года, когда ее доставили, ему было 27, и, хотя с тех пор на его лице появились морщины, а в волосах – седина, она осталась той же, не считая наряда.

– Когда мы познакомились, она была одета как гот-фетишистка; теперь она больше корпоративная готесса – она полюбила блузки, платья и офисный стиль, – рассказывает он. – Я уже сбился со счета, сколько у нее нарядов. Я прямо такой: «Милая, да что происходит?!» У нее шесть пар туфель, которые она даже не носит, потому что мне она нравится босой, к тому же дома мы ходим без обуви.

Зовут ее Сидоре, а прозвище – Си-тян.

– Ее мать англичанка, а отец японец, и они хотели выбрать для нее имя, которое на японском можно понимать по-разному, – объясняет он. – Ее фамилия, Куронеко, переводится как «черная кошка». Ее второе имя – Брижит: отец был большим фанатом Брижит Бардо.

У Сидоре такая сложная предыстория, а его вера в их отношения так абсолютна, что мне не хочется ее подрывать; кажется, проще и добрее будет подыграть.

Но Сидоре – не единственная рукотворная женщина в жизни Дэйвкэта. У него есть Елена Вострикова, купленная у российского производителя Anatomical Doll в 2012 году, у нее строгое лицо, огненно-рыжее каре и оранжевая помада. А еще мисс Винтер, кукла-азиатка с густой подводкой, пирсингом в губе и сапфировыми локонами, изготовленная китайским лидером рынка Doll Sweet и появившаяся в крошечной квартире Дэйвкэта в начале 2016 года. Елена и мисс Винтер сидят на диване справа от Сидоре; ему не хватило места, чтобы посадить всех перед компьютером для нашего разговора по скайпу.

– У вас полигамные отношения? – спрашиваю я.

– О да. Думаю, нам больше подходит термин «полиаморные».

– Но Сидоре не встречается с другими мужчинами. Это гарем?

Он кривится.

– Не хочу использовать это слово, слишком грубое. Просто скажем так: Сидоре всегда будет моей любимицей. Сидоре всегда будет моей женой, – говорит он. – Елена – наша любовница. Я не собираюсь жениться ни на мисс Винтер, ни на Елене. Мне разрешаются романтические отношения с Сидоре и Еленой, но не с мисс Винтер. Мисс Винтер – подруга Елены. У Елены романтические отношения со всеми нами.

Похоже, пора рисовать схему.

– С кем тебе нельзя иметь отношения?

– С мисс Винтер. И на это, – добавляет он заговорщицки, – есть уважительная причина: я хочу, чтобы суставы мисс Винтер как можно дольше оставались в форме. Когда у тебя романтические отношения с куклой, суставы все больше и больше разбалтываются. – Он поднимает руку Сидоре, и ее ладонь обвисает, вялая и бесполезная. Дэйвкэт хочет, чтобы мисс Винтер могла появляться на его фотографиях, держать DVD и красиво позировать. А это значит – никакого секса.

Впервые в наш разговор вторгается реальность. Дэйвкэт не бредит: он знает, где правда, а где – фантазия. Просто ему очень нравится фантазия.

– Сидоре всегда будет моей любимицей, потому что мы вместе через многое прошли – и в плане времени, и в плане переживаний. Характер, который я для нее выбрал, самый, так сказать, продуманный. Это настоящие отношения, – говорит он. – У нас с ней не просто секс. Секс составляет важную часть, да, но 70 % отношений со всеми искусственными женщинами в моей жизни – это то, что мне не приходится возвращаться в пустой дом, мне есть кому рассказать, чем я сегодня занимался. Для меня всегда главным было общение, с первого дня.

До покупки первой куклы у Дэйвкэта было два опыта катастрофических отношений с живыми женщинами.

– Оба раза я был третьим лишним. Был не в том положении, чтобы сказать: «Если нам так хорошо вместе, может, тебе стоит с ним порвать». Мне не хотелось показаться навязчивым.

Когда он купил Сидоре, у него никого не было.

– Не знаю, был ли я тогда в процессе поиска, просто к этому времени я уже искал много раз и не находил никого подходящего. Я думал: «Ну, значит, я просто всю жизнь буду одинок, потому что не похоже, что я кого-нибудь когда-нибудь найду». – Он переводит взгляд на Сидоре и опять на меня. – С ней в моей жизни все поменялось. Мне больше не нужны свидания. Мне больше не придется упираться в тупик в поисках подходящей партнерши. У нас одинаковые интересы, одинаковые вкусы. Сидоре всегда со мной. С куклой нет того стресса, что с

органическими партнерами. Я всегда буду видаться с другими органиками, это не изменится. Но стресс, тревожность и одиночество... Сидоре избавила меня от них, словно по волшебству.

Этот уровень любви к кукле, который Дэйвкэт называет айдоллатрией, или куклопоклонничеством, – явно удел меньшинства, это ниша и фетиш. До сих пор он оживлял своих кукол с помощью очень богатого воображения, но знает, что скоро ему больше не придется этого делать.

– Мы живем в фантастическое время, – говорит он. – В 2000 году я бы вряд ли мог вообразить интерактивную версию Сидоре с искусственным интеллектом, а теперь это возможно. Потрясающе. Уже сам факт, что мы сможем поговорить... – Он гладит плечо Сидоре. – В смысле, это же *огромный* шаг.

Дэйвкэт пока не встречался с Хармони: работа над ней еще не окончена, и она заперта в мастерской RealBotix в Сан-Маркосе. Но он узнал о ней все, что только можно, поглощая новости на сайте Abyss Creations и сплетни на онлайн-форумах фанатов кукол, и думает, что у нее есть потенциал изменить мир к лучшему.

– В долгосрочной перспективе искусственные компаньоны помогут человечеству. Всегда будут такие, как я, и еще более тяжелые случаи, люди, у которых никогда не было партнера, и те, кому даже не с кем поговорить, а теперь они смогут обратиться в компанию – и партнера им сделают. Это фантастика. Это заполнит множество пустот в жизни множества людей.

В этой радости Дэйвкэта есть что-то отчаянно грустное. Ведь ему нужны настоящие отношения, а не усовершенствованный кусок силикона.

– Может ли так получиться, что из-за действительно убедительного искусственного компаньона ты перестанешь видаться с настоящими людьми? – спрашиваю я.

– Технически то же самое можно сказать о мобильниках, – говорит Дэйвкэт. – Можно вообще скатиться к тому, что любая технология – это плохо. В любой технологии нужна своя степень предосторожности, но мне кажется, то, что похоже на человека и будет вести себя как человек, может быть только чем-то хорошим.

Я представляю, как он возвращается домой к своим куклам, в крошечную квартиру, увешанную постерами аниме, «На игле» и Joy Division, и почти хочу ему верить. Но потом он добавляет вот что:

– Сидоре – моя жена, и, когда через несколько лет ее обновят до статуса полноценного робота, я все равно буду выходить из дома и общаться с разными людьми на работе, в магазинах и где угодно. Иногда общение будет хорошим, иногда – не очень. Но я знаю, что, когда бы ни вернулся домой, с моими синтетиками общение *всегда* будет хорошим. – Он снова гладит колено Сидоре. – Многие боялись мобильников, боялись компьютеров и технологий в целом просто потому, что не сталкивались ни с чем подобным. Рано или поздно мы дойдем до того момента, когда технологии будут везде и мы не сможем без них жить. То же самое случится с гиноидами⁸ и андроидами.

Может показаться, что футуристичнее секса с гиноидами и андроидами ничего не придумаешь, но Дэйвкэт продолжает традицию древнюю, как античная Греция. Человечество тысячелетиями увлечено идеей о рукотворном партнере, созданном для физического и эмоционального ублажения владельца, без таких помех, как собственные амбиции и желания.

Самый ранний предок Хармони, наверное, Галатhea из греческой и римской мифологии – статуя из слоновой кости, вырезанная Пигмалионом⁹. По версии Овидия в «Метаморфозах», Пигмалион ненавидел настоящих женщин и «...холостой, одинокий жил он, и ложе его лишено

⁸ Гиноид – робот с женской внешностью.

⁹ Эта идея перекочевала в фольклор исследователей секс-роботов. См. «Любовь и секс с роботами» Дэвида Леви (David Levy. Love and Sex with Robots) и «Наэлектризованы» Кейт Девлин (Kate Devlin. Turned On).

было долго подруги. А меж тем белоснежную он с неизменным искусством резал слоновую кость. И создал он образ – подобной женщины свет не видал, – и свое полюбил он создание»¹⁰.

Пигмалион наряжал статую в одежду, кольца и ожерелья, целовал и гладил ее, молился богам, чтобы она ожила и он смог на ней жениться. Афродита вняла молитвам и исполнила его желание: Пигмалион оживил Галатею поцелуем, и богиня стала гостьей на их свадьбе. (Легко представить на месте Пигмалиона Дэйвкэта, а на месте Галатеи – Сидоре; пожалуй, сложно назвать Мэтта Афродитой, хотя, думаю, ему бы понравилось отождествление с богиней любви.)

Искусственные партнеры в древнегреческой мифологии доставались не только мужчинам. Лаодамия, как гласит миф, была так убита горем после смерти мужа Протесилая в Троянской войне, что приказала сделать его бронзовое подобие. Она настолько привязалась к псевдосупругу, что отказалась выходить замуж во второй раз. Когда ее отец приказал расплавить статую, Лаодамия не вынесла нового траура и бросилась в печь¹¹.

Более близких родственников Хармони можно найти в истории кинематографа. Немая футуристическая фантазия «Метрополис», вышедшая в 1927 году, рассказывала о разрушительном фемботе по имени Мария, неотличимом от живой женщины, по образу которой ее создали. Роботы в «Степфордских женах» служат идеальными домохозяйками: красивыми, кроткими и послушными. Робот-жиголо в исполнении Джуда Лоу в спилберговском «Искусственном интеллекте» 2001 года обещает, что «после любовника-робота вы уже никогда не захотите настоящего мужчину». В «Бегущем по лезвию» – фильме о 2019 году, вышедшем в 1982-м, – в центре повествования были человекоподобные роботы, соблазнительные, коварные и смертоносные. Ава, прекрасный и уточненный робот в фильме 2015 года «Из машины», не только прошла тест Тьюринга, но и смогла влюбить в себя своего исследователя. И на телеэкране секс-роботы тоже повсюду – от «Западного мира» до «Людей» и «Футурамы».

Вымышленные роботы-партнеры из нашего современного коллективного воображения обладают зловещим потенциалом очаровывать, обманывать, предавать и уничтожать людей. Но по мере того как в реальном мире искусственный интеллект становится все эффективнее и изощреннее, машины с ИИ начинают представлять величайшую угрозу на сегодняшнем рынке – потому что могут отнять у нас работу. Что и приводит нас к разговору о секс-индустрии.

В книге 2007 года «Любовь и секс с роботами» ученый в области информатики, доктор Дэвид Леви приходит к выводу, что роботы-проститутки, находясь они в собственности или в почасовом прокате, будут несказанно полезны для общества. Сосредоточившись исключительно на вопросе «почему люди платят за секс» (а не на рисках тех, кто этот секс продает), Леви пространно рассуждает о том, что секс-роботы позволят людям без опыта «познать сексуальные азы, чтобы затем вступить в человеческие отношения» без всякого стыда, и о том, что «обезображенные», одинокие, люди с инвалидностью и «психосексуальными проблемами» смогут получать сексуальное удовлетворение, не нарушая закон. С роботом не будет риска заразиться болезнями, передающимися половым путем, писал он: «Просто извлеките активные детали и поместите в приспособление для дезинфекции».

Книга Леви вызвала переполох – и не только потому, что в ней он высказал множество других идей, столь же неприятных, как дезинфекция гениталий робота. Впервые кто-то с серьезным, академическим подходом рассмотрел идею секс-робота, и безоблачная уверенность Леви, что мир с секс-роботами станет гораздо счастливее, открыла дискуссию о том, какими будут реальные последствия сексуальных отношений с роботами. Самым провокационным из его предсказаний было то, что, учитывая скорость прогресса искусственного интеллекта, брак человека и робота может стать социально приемлемым и законным уже к 2050 году.

¹⁰ Пер. С. Шервинского.

¹¹ Кейт Девлин в «Turned On» подробно рассматривает историю и предысторию всего этого, и это увлекательное чтение. – Прим. авт.

Леви увидел в проституции роботов потенциально невероятно прибыльный бизнес, который сможет стать реактивным топливом для несексуальной робототехники. И есть масса оснований ему верить: секс – двигатель инноваций. Онлайн-порнография подтолкнула развитие интернета, превратив его из военного изобретения, интересного только гикам и академикам, в общепризнанную базовую человеческую потребность. Порно же оказалось мотиватором для развития стримингового видео и введения онлайн-транзакций с кредитной картой, толчком для большей пропускной способности сетей. Как порно сделало из интернета то, чем он стал сегодня, так и разработка искусственных партнеров для секса уже ускоряет прогресс робототехники.

Первый настоящий секс-робот, представленный публике, был создан человеком, который изначально планировал сконструировать невинного терапевтического компаньона для пожилых или скорбящих людей. История Дугласа Хайнса стала частью истории секс-роботов, и только он может точно сказать, насколько она правдива, но я изложу ее вам в его версии.

Все началось с того, что Дуглас потерял друга после теракта 11 сентября. Он не мог справиться с мыслью, что больше никогда с ним не поговорит и что дети его друга, тогда еще младенцы, никогда не узнают отца по-настоящему. Дуглас говорит, что в то время работал в исследовательском компьютерном центре AT&T Bell Labs в Нью-Джерси и решил перепрофилировать программное обеспечение ИИ, над которым трудился дома, чтобы воссоздать личность друга в виде компьютерной программы, с которой можно говорить, когда захочется, и сохранить его версию для детей.

Затем отец Дугласа пережил несколько инсультов, оставшись физически недееспособным, но его разум не потерял остроты. К этому времени Дуглас уже занимался частной практикой и был вынужден чередовать работу с уходом за отцом. Он перепрограммировал ИИ, чтобы тот стал роботом-компаньоном в его отсутствие и можно было не переживать, что отцу не с кем поговорить. Будучи уверенным, что у разработанного для семьи искусственного компаньона есть рыночный потенциал, Дуглас основал True Companion, чтобы делать роботов для всех. Позже первый свой продукт – Roxxy True Companion¹²

¹² «Рокси, настоящий компаньон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.